

Пурпурное солнце медленно поднималось, и его лучи, пробиваясь сквозь резные оконные переплеты, мягко ложились на лицо спящего юноши.

Линь Чжао открыл глаза, чувствуя себя на редкость бодрым.

— Ах, еще один прекрасный день! — сладко потянулся он.

Перед ним лежали две вещи: грубое рубище из простой мешковины и серое одеяние, сотканное руками Цзи Яогуана. Линь Чжао без колебаний выбрал серое.

В комнате висело гладкое бронзовое зеркало. Линь Чжао подошел к нему и оглядел себя со всех сторон. Пусть цвет, выбранный Старым деревом, и отдавал излишней строгостью, сам крой оказался превосходным. Каждая складка, изящный приталенный силуэт — все говорило о том, что вещь предназначалась отнюдь не для простолюдина.

«Неужто сшил по образцу своих старых нарядов?» — подумал Линь Чжао.

Один только изъян: рукава оказались длинноваты.

Он весело тряхнул кистями, тихонько напевая под нос, и подошел к Цзи Яогуану. Протянув руки, Линь Чжао продемонстрировал утонувшие в серой ткани ладони.

Цзи Яогуан на мгновение замер, а затем мягко коснулся ткани пальцами. В тот же миг рукава послушно укоротились, сев точно по фигуре.

— Какой хозяйственный! — довольно рассмеялся Линь Чжао и дружески похлопал Старое дерево по плечу.

Спустившись в обеденный зал постоянного двора, они обнаружили, что стол уже ломится от лучших яств.

Пожилые хозяева — муж с женой — со священным трепетом замерли неподалеку. Старушка в волнении так сильно заламывала пальцы, что костяшки едва не трещали.

— У нас заведение скромное, господа, — лепетала она, не смея поднять глаз. — Обычно здесь останавливаются лишь торговцы да крестьяне из окрестных деревень. Мы отродясь не принимали столь почтенных шаманов... Мяса духовных зверей в наших краях днем с огнем не сыщешь, так что не обессудьте, коли угощение покажется вам слишком простым.

— Полно вам, как можно брезговать такой щедростью? — Цзи Яогуан, как всегда, держался безукоризненно мягко и вежливо. — Мясо духовных тварей обычным людям и так не продают. Чтобы раздобыть его, вам наверняка пришлось изрядно постараться.

— Лишь бы вам пришлось по вкусу, почтенный господин, — хозяйева облегченно выдохнули и, боясь нарушить покой гостей, безмолвно отступили к стене.

Когда трапеза уже подходила к концу, пожилая женщина все же набралась смелости и тихонько подошла к их столу:

— Уважаемые господа шаманы... У старухи есть к вам дело. Коли у вас найдется минутка, не соблаговолите ли вы развеять мои сомнения?

— Спрашивайте, — Цзи Яогуан отложил палочки и подбодрил ее кивком.

— Мой внук вскоре должен пройти обряд посвящения, дабы подготовиться к Великому отбору в Шаманском государстве. Семья наша сумела скопить пятьсот золотых ракушек, да еще орден обещал подсобить с серебром... Словом, можем позволить себе звериную душу тысячи за полторы. Да только этих душ великое множество, и все они такие разные. Старуха ума не приложит, какая из них лучше всего подойдет мальцу?

Цзи Яогуан небрежным движением достал из широкого рукава свежий зеленый листок.

— Во время ритуала важнее всего стойкость духа. Звериные души среднего и низшего качества мало чем отличаются друг от друга. Главное здесь — чтобы природа человеческой души и суть зверя совпали. Возьмите этот лист и приложите к мальчику. Если цвет его души и цвет звериной искры совпадут, то выбор сделан верно.

Старики принялись наперебой кланяться, рассыпаясь в благодарностях, и бережно, словно величайшую драгоценность, приняли листок.

— И запомните, — голос Цзи Яогуана стал непривычно строгим, — этот лист послужит вам лишь единожды, после чего потеряет всю свою силу. Сбереечь подобную вещь вы не сумеете, а потому держите ее в тайне от чужих глаз. Как только испытаете внука — немедленно сожгите.

Супруги тут же посерьезнели и, обратив помыслы к великим шаманским богам, поклялись уничтожить реликвию сразу после обряда.

Цзи Яогуан удовлетворенно кивнул и, мягко отклонив просьбу назвать свои имена, вместе с сытым А-Чжао покинул постоянный двор.

— Похоже, простые люди шаманов до смерти боятся, хоть и почитают, — задумчиво произнес Линь Чжао, когда они вышли на улицу.

— У многих моих собратьев весьма скверный нрав, — со вздохом отозвался Цзи Яогуан. — Во время обряда посвящения чаще всего используют души свирепых тварей. А они несут в себе скверну, которая постепенно отравляет разум человека, толкая его к безумию и

саморазрушению. Оттого шаманам приходится регулярно очищать душу, что обходится им в кругленькую сумму.

Линь Чжао лишь неопределенно хмыкнул, не зная, что на это сказать.

— Наше царство вынуждено расширять свои границы, — продолжал Цзи Яогуан, устремив задумчивый взор к далекому силуэту Великой стены. — Чтобы выжить и укрепнуть, человечеству необходимы души чудовищ, их пепел, редкие руды. Но каждая наша вылазка тревожит ядовитый туман Чумных земель. Из-за этого пробуждаются сокрытые во тьме древние чудовища — Великое зло. Для приграничных вассальных земель нашествие подобных тварей — самый страшный кошмар, к которому они вынуждены готовиться из года в год.

— Два главных рассадника этой скверны, приносящих больше всего бед, — это Безлунное море на востоке и Океан Руин Демонов, сдерживать который приходится государству Ди. — Мужчина покачал головой. — Вот почему в Ди так много шаманов. А где сила — там и вечные раздоры. Неудивительно, что местные жители спят и видят, как бы поскорее покинуть эти проклятые края и перебраться в Шаманское царство. В их глазах оно представляется настоящим раем на земле.

— И почему у людей вечно все так сложно? — вздохнул Линь Чжао.

Цзи Яогуан негромко рассмеялся:

— В таком случае, может, вернемся в Океан Руин Демонов и станем жить отшельниками?

— Размечтался! — фыркнул юноша. — Там хоть капля чистой воды найдется? А сочное мясо? А теплая ванна?

Разве у него там будет хоть что-то? Ему что, опять на сухой ветке гнездо вить?

Цзи Яогуан лишь загадочно улыбнулся, о чем-то задумавшись.

На городской площади гремел последний день весенних торжеств. Линь Чжао и Цзи Яогуан не спеша прогуливались среди толпы, решая, стоит ли им дальше торговать фруктами или пора найти дело повыгоднее.

— На яблоках да грушах много не заработаешь, — Линь Чжао прислонился спиной к высокому каменному изваянию в виде ракушки, отдаленно напоминавшему уличный фонарь, и принялся вовсю окучивать Старое дерево. — Ты ведь умеешь вырезать священные тотемы? Да за самый паршивый из них дадут не меньше пятисот золотых! Это же куда быстрее, чем лотки с плодами таскать. Да и без тотемов... Твои бусины, те же листья, что ты отдал хозяевам — все это стоит баснословных денег. Нам нужно мыслить шире, выходить на новый уровень!

— А-Чжао, я бы и рад, — со вздохом возразил Цзи Яогуан. — Да только моя сила слишком велика. И четки, и листья, и уж тем более тотемы несут в себе мощный след моей изначальной магии. Подобные артефакты мгновенно привлекают внимание сильных мира сего и неизбежно прольют чью-то кровь. Боюсь, нас попытаются ограбить и прирезать еще до того, как мы успеем заключить сделку.

— Неужели они настолько ценные? — Линь Чжао с сомнением покосился на деревянный браслет на своем запястье. — А если покупатель окажется обычным недотепой и ничего не поймет?

— Мы находимся на самой границе государства Ди, — тихо рассмеялся Цзи Яогуан. — Встретить здесь глупца, который не отличит истинное сокровище от безделушки, почти невозможно.

— Намекаешь, что один я тут такой дремучий? — фыркнул Линь Чжао. Впрочем, обижаться он не стал и, повысив голос, спросил: — Ладно, проехали. Расскажи лучше, что это за «Великий отбор», о котором толковала старуха?

— Это вступительные испытания для юных шаман-учеников, желающих примкнуть к какому-нибудь ордену, — Цзи Яогуан немного удивился столь резкой смене темы, но ответил подробно. — Каждым мартом в Шаманском государстве и на его окраинах устраивают состязания для одаренных юношей младше шестнадцати лет. Это называют «Малым отбором». Лучшие из лучших получают право отправиться в Столицу Вселенной на «Великий отбор». Там собираются старейшины Школы Великой Камелии, наставники столичных академий, представители девяти великих кланов и даже мастера вольных учений «небесного» ранга. Все они ищут себе преемников.

Цзи Яогуан покачал головой, и на его губах появилась горькая усмешка:

— Великий отбор — одно из трех важнейших событий в году. Борьба за талантливых учеников разыгрывается нешуточная. Почтенные мастера в попытках переманить юнцов ведут себя хуже голодных бестий, пускаясь на любые подлости и напрочь забывая о приличиях. Когда мне доводилось присматривать за этим балаганом, они умудрялись строить козни даже против меня.

— Понятно. Местный аналог главного экзамена, — резюмировал Линь Чжао, в чьей голове мгновенно созрел блестящий план. — Братец Яогуан, ты ведь досконально знаешь всю эту кухню?

— Разумеется. Каждые пять лет мне приходилось брать бразды правления в свои руки, — кивнул тот, уходя в воспоминания. — Наставники оценивают все: чистоту помыслов, глубину понимания шаманских рун, силу магии, характер и даже внешность. Бедные ребята, они ведь совсем еще дети, а их подвергают столь суровым испытаниям.

— Вот и отлично! — решительно хлопнул в ладоши Линь Чжао. — Напиши-ка подробный разбор

для каждого ордена. Каковы их требования к рунам, как обстоят дела с качеством обучения, легко ли сдать выпускные экзамены и какие перспективы ждут выпускников в будущем. Распиши все до мельчайших деталей!

— Но... — Цзи Яогуан замялся.

— В чем дело? Только не говори, будто сам ничего этого не помнишь, — прищурился Линь Чжао. Он ни капли не сомневался в способностях спутника: уж с его-то дотошностью, обостренным чувством долга и вековым опытом все эти тонкости были заучены назубок.

— Помнить-то я помню, — вздохнул мужчина, слегка нахмурившись. — Однако подобные сведения считаются внутренней тайной орденов. Продавать чужие секреты ради наживы... как-то это бесчестно.

— Ну какая же это нажива? — Линь Чжао снисходительно улыбнулся и крепко взял Цзи Яогуана за руку. — Век наш суров, кругом скверна да катаклизмы. Выбор ордена для молодого шамана-ученика — все равно что выбор супруга на всю жизнь. Разве это не самое важное решение в судьбе человека?

— Пожалуй, так, — согласился Цзи Яогуан.

— Вот именно! А раз дело касается всей будущей жизни, как можно идти на него вслепую? — патетично воскликнул Линь Чжао, прижав свободную руку к груди. — Молодые ведь глупы и доверчивы, они толком ничего не знают о мире. Стоит какому-нибудь сладкоречивому вербовщику напеть им в уши красивых сказок, как они тут же побегут записываться на неподходящее направление... кхм, в неподходящую школу! А потом будут всю оставшуюся жизнь кусать локти. Какая трагедия!

Слова юноши явно возымели действие — Цзи Яогуан задумчиво кивнул.

— К тому же, — зашел с козырей Линь Чжао, — неужто влиятельные столичные кланы не выведывают эти секреты заранее для своих отпрысков? И где же тут справедливость по отношению к сиротам из глухих вассальных земель, у которых нет ни связей, ни золота?

Старое дерево нахмурилось пуще прежнего:

— Ты прав. Выходцам из далеких провинций и без того приходится несладко. Подобные знания для них — не просто любопытство, а шанс на равную борьбу. Это восстановит справедливость.

— Вот и я о том же! — Линь Чжао победоносно хлопнул в ладоши. — Как говорится, образование — залог процветания на поколения вперед. Да и наживаться на этом руководстве я, признаться, вообще не планировал.

— Вот как? — Цзи Яогуан с удивлением посмотрел на него.

— Послушай, братец, — Линь Чжао заговорщицки обнял его за плечи и зашептал прямо на ухо.
— Раз в Ди проводится Малый отбор, значит, должен быть и чиновник, который всем этим заправляет? Местный смотритель училища?

— Безусловно, — кивнул Цзи Яогуан. — Чем больше учеников от вассального государства пройдет через сито Великого отбора, тем больше щедрых даров и ресурсов выделит столица в следующем году. Смотритель училища — одна из трех ключевых должностей в совете правителя Ди, и занимают ее исключительно доверенные лица владыки.

— Ну вот и отлично, — вкрадчивым, почти искушающим шепотом продолжил Линь Чжао. — А теперь подумай: раз этот смотритель головой отвечает за показатели отбора, наша книга станет для него настоящим благословением. Мы просто вручим ему этот путеводитель в обмен на одну маленькую услугу — пусть возьмет нас с собой, когда повезет учеников в столицу. Согласись, заручиться поддержкой столь важной персоны куда престижнее, чем торговать яблоками у дороги или воровать у богачей?

Цзи Яогуан окончательно сдался под этим натиском.

— План и впрямь неплох. Вот только сопровождение будущих шаманов-учеников — дело государственной важности. Смотритель вряд ли согласится взять с собой двух бродяг без документов и роду-племени.

— А зачем нам ехать вместе с ними? — усмехнулся Линь Чжао. — Мы ведь предлагаем ему честную сделку. Как высокопоставленный чиновник он наверняка имеет связи в столице. Ему ничего не стоит выписать нам сопроводительную грамоту под благовидным предлогом — скажем, поручить доставить списки кандидатов. Заодно и на столичные красоты полюбуемся. Неужели для целого смотрителя вассальных земель это станет неразрешимой задачей?

Цзи Яогуан глубоко вздохнул и серьезно посмотрел на юношу:

— Держи. То, что ты просил.

Он плавно поднял руку, и прямо над его раскрытой ладонью соткалась бумажная книга. Чернильные руны с невероятной скоростью, словно под прессом печатного станка, проступали на чистых страницах.

— Какая прелесть! — Линь Чжао сиял от восторга. — Только погоди... Книга выглядит слишком новой. Сделай ее постарше: пусть чернила слегка поблекнут, страницы пожелтеют, а уголки обложки оботрутятся и загнутся. Будем выдавать ее за нашу семейную реликвию, которую мы бережно хранили все эти годы ради возвращения на родину...

Цзи Яогуан на секунду лишился дара речи и с нескрываемым изумлением уставился на своего спутника.

— Что не так-то? — захолопал ресницами Линь Чжао.

— А-Чжао... — тихо вымолвил мужчина. — Ты ведь совсем недавно вылупился из яйца. Неужели шаманы в призрачном царстве только и делали, что учили тебя этим... плутовским повадкам?

Линь Чжао нешуточно обиделся. Он выхватил книгу и с силой швырнул ее под ноги:

— Какое еще плутовство?! Я что, хоть в чем-то соврал? Разве это не твоя реликвия, раз ты сам ее создал? И разве ты сделал ее не ради возвращения в Шаманское государство? Где тут ложь? Да и вообще, ради кого я так из кожи вон лезу?!

«Если бы не эта упрямая деревяшка, я бы давно сдался владыке Ди, и нас бы со всеми почестями доставили на место!» — едва не вырвалось у него.

Но в последний момент Линь Чжао прикусил язык. Матушка частенько наставляла его в детстве: когда гнев застилает глаза, сперва трижды подумай, стоит ли давать волю языку. Слова, сказанные сгоряча, ранят сильнее ножа.

Цзи Яогуан, заметив вспышку гнева, поспешил загладить вину:

— Прости, А-Чжао, я вовсе не хотел тебя обидеть. Я лишь поразился твоей смекалке. Продумать все до таких мелочей за столь короткое время... Душа того наставника, что обучил тебя этому искусству, еще не рассеялась? Мне бы тоже не помешало взять у него пару уроков.

Линь Чжао поперхнулся, неловко кашлянул и сердито буркнул:

— Чему тут учиться? С тебя и моей головы хватит! Занимайся делом.

— Слушаюсь, — Цзи Яогуан с улыбкой поднял книгу с земли и протянул ее юноше. — Взгляни, быть может, нужно внести какие-то правки или добавить новые разделы?

Линь Чжао со всей возможной важностью принял манускрипт. В глубине души оба почувствовали небывалое облегчение.

В этот миг каждый из них подумал об одном и том же:

«А ведь Старое дерево / Маленькую птичку не так уж сложно задобрить»

<http://bllate.org/book/20648/2167823>